

ТАЛАНТ СИЛЬНЫЙ, ЗРЕЛЫЙ

О ТАКИХ, как он, принято говорить: «Крепкий актер!», вкладывая в это емкое понятие многое.

Это значит, что в каждой пьесе артист может полноценно сыграть 3—5 ролей, ни одной не испортив. Это значит, что актер творчески мобилизуем, в любой момент готов при поднятии занавеса вспыхнуть, подобно электрической лампочке, и гореть ярко до той поры, пока театру надобно. Для этого надо уметь играть крупно, смелыми сильными мазками, быть заразительным. Мысли и чувства должны быть театрально укрупнены, «перехлестывать» через рампу».

Все эти качества свойственны артисту театра «Красный факел» Вадиму Владимировичу Лиотвейзену. Если бы сегодня, например, распределялись роли в горьковской драме «На дне», режиссер немало поломал бы себе голову — какую поручить Лиотвейзену: Сатина, Барона, Актера, Бубнова или Костылева. Широта его диапазона позволяет играть разнообразный репертуар. В «Горе от ума» он выступал Молчалиным, Загорецким, господином Д., а мог бы сыграть и Фамусова, и Скалозуба. По нескольким ролям переиграл он в спектаклях «Олеко Дулич», «В середине века», «Яков Богомоллов».

Лиотвейзену органически чужд «бормотальный реализм», пресловутая поделка под правду жизни. На сцене он всегда театрален в лучшем смысле слова. Радостное ощущение человека-творца постоянно сопутствует каждой минуте его сценической жизни.

Однажды на спектакле «Любовь Яровая» случился казус: не вовремя выбежавший на сцену артист подал реплику-сообщение об убийстве полковника Кутова, которой заканчивался акт. Положение было критическое. Если сейчас опустить занавес, то добрая половина третьего действия, важного для сюжета, будет пропущена. Среди всеобщего остолебения первым нашелся Яровой-Лиотвейзен. Он так убедительно, от имени образа напустился на виновника ошибки, что зрители решили, что так и предполагается — проручик Яровой борется с паникерами. Действие продолжалось.

Отточенный профессионализм — вот та база, на основе которой рождаются творческие азарты. Лиотвейзен, человек жесткой театральной дисциплины, умеет подчинить личные замыслы воле коллектива. В то же время он умеет быть творчески свободным. Он никогда не выпадает из ансамбля, но берет на свои плечи такую нагрузку, что роль его можно уподобить верному и сильному звуку инструмента в симфоническом звучании спектакля.

Пьеса В. Лаврентьева «Чти отца своего». Капитон, высокий, сутуловатый старик с седыми усами, в вельветовой куртке и в брюках, заправленных в сапоги, появляется в квартире Кичигиных. Не сказано еще ни слова, но вы понимаете, что перед вами деревенский человек, неторопливый, хозяйственный, в городе бывающий редко, что пришел он сюда не случайно, а по важному делу. Так много сказать одним лишь появлением Лиотвейзен умеет, — недаром в свое время прошел отменную тренировку на эпизодических ролях.

Поначалу Капитон вызывает недоумение, потом подозрение — уж не заодно ли он с жадным своим спутником Гордеем, не приехал ли он пожить за счет богатых родственников? Но нет — слишком ясные глаза под лохматыми бровями Капитона, слишком внимательно вслушивается он в речи окружающих, почти не обращая внимания на вещи, которые с упоением засовывает в чемоданы Гордей. Не разрушать чужое счастье приехал этот дед. Хочется ему под старость лет повидать родного внука, заглядеть свою вину перед ним, приглядеться — не обижен ли мачехой.

Через преграды недоверия, опасливости пробивается Капитон к истине. Каждый новый шаг его вызывает вокруг смятение. Однажды, подвыпив, он чуть было не наделал беды, припугнув Софью, что откроем тайну рождения Мак-

сима. Но совесть берет верх. Со все возрастающим чувством признает Капитон непонятные ему отношения в семье Кичигиных. Дивится на дочь, которая не дорожит ни вещами, ни квартирой; на младшего сына Севку — этот вовсе бесребреник. А как все они, и в особенности — внук Максим, любят Софью! Не решается Капитон назвать ему себя, объявить — дед, мол, родной приехал. А вдруг не захочет признать? А вдруг, еще хуже, отвернется от приемной матери из-за того, что обманывала его всю жизнь, родной называлась?..

Сцена, когда Капитон решает молчать и взамен просит у Софии лишь фотокарточку внука, сцена тихая, задушевная, мягкая, каждый раз покрывается аплодисментами. Удивительное ощущение человеческой громадности, благородства личности возникает у зрителей. В роли Капитона немного слов, но у Лиотвейзена она весо-

ма, значительна, стоит в самом центре драматургического конфликта.

Большой успех выпал на долю Лиотвейзена в «Норе» Г. Ибсена, где он играет Крэгстада. Я давно не видел такого предельного обнажения сложного психологического рисунка роли. Зримо, отчетливо видны скрытые причины, приводящие Крэгстада к тем или иным поступкам.

На лице Лиотвейзена-Крэгстада печать замкнутости, вынужденного одиночества, как это бывает у людей, отвергнутых обществом. Он ожесточен, эгоистичен, готов на мерзкие поступки — идет на шантаж, чтобы удержаться на поверхности водоворота жизни.

Когда-то, подобно Норе, Крэгстад ради семьи совершил ошибку. Осужденный жестокими несправедливыми законами буржуазного общества, он долго не понимает, что Нора — такая же, как он, жертва. Тонко и точно выстроен в спектакле дуэт Норы (А. Покидченко) и Крэгстада, когда от взаимного неприятия они идут к пониманию и сочувствию. Сцена заканчивается, и мы видим, как оттаивает этот ожесточившийся человек. Согревший добрым словом и вспыхнувшей любовью к подруге Норы, впервые за многие годы Крэгстад ощущает отблеск счастья. Невозможно забыть его робкую, затаенную полуулыбку, потеплевший взгляд.

У драматического артиста никогда нет «вчера». Как ни велики заслуги в прошлом, каждый новый выход на сцену — новый бой, суровый, бескомпромиссный. Зрителю сегодняшнего спектакля в общем-то нет дела до того, например, что Лиотвейзен не так давно очень хорошо играл короля Клавдия в «Гамлете», и в тот же день, на утреннем спектакле — уморительного дедушку в «Стрелухе замужем». Вот это перевоплощение! — говаривали зрители. Восхищались совсем, кажется, недавно стойко-

стью, железной волей защитника Севастополя Сагайдачного в «Песне о черноморцах», сочувствовали духовному прозрению Алексея Турбина и от души потешались над проделками счастливового и незадачливого члена экипажа Антилопа-Гну Паниковского. Все это было, все это уже стало страничкой истории «Красного факела». Зрителя же всегда волнует — что впереди?

А впереди — новая роль. К ней нужно готовиться каждый день и час беспокойной актерской жизни.

У Лиотвейзена интересная биография. У его артистической колыбели стояли корифей МХАТа М. Гарханов, любимый ученик К. С. Станиславского Юрий Завадский. Работал он на одних подмостках с прославленными артистами театра имени Моссовета Б. Мордвиновым, В. Марсегой, Р. Пляттом, Б. Олениным. Хорошо знает Лиотвейзен заводскую и шахтерскую жизнь. С шахтерами его свела судьба еще в Великую Отечественную войну, когда в 1942 году вступил он в «Красный факел», находившийся тогда в Прокопьевске. Постоянно общается артист с рабочими завода им. Ефремова, руководя им же созданным народным театром.

Послушная актерская память. Как она помогает перенестись мысленно в иные времена. Ставится пьеса эпохи гражданской войны, и воскресают перед глазами картины далекого детства Екатеринодар переходит из рук в руки. Гарцуя на белом коне, въезжает Деникин, казаки атамана Шкуро...

Иной молодой актер скажет: «Да нужно ли все это? К чему досконально знать быт прошлого, различные профессии и ремесла, если задача артиста — раскрыть жизнь человеческого духа?»

В. Лиотвейзен в подобных случаях отвечает, не задумываясь: — Нужно! Необходимо знать жизнь во всех ее многообразных проявлениях, чтобы твои сценические создания не походили друг на друга, как близнецы, чтобы блестящие разнообразные характерных деталей помогали созданию целостного, емкого и неповторимого сценического образа.

Лоллий БАЛАНДИН.

* * *

На снимке: В. В. Лиотвейзен в роли Драгиша в спектакле «Улица трех сыновей, 17».

Фото Н. Соничевой.

